

М. В. Коротков

Реставрация и хранение буддийской живописи из коллекций Хара-Хото XII–XIV вв.

Статья посвящена консервации и ранним этапам бытования и хранения уникальной коллекции буддийской живописи, собранной П. К. Козловым в Монголии в 1907–1909, 1926 гг. и хранящейся сегодня в Государственном Эрмитаже. На основе неисследованных прежде архивных материалов воссоздана история первичной консервации памятников, указаны условия бытования и предпринимаемые меры по их защите до поступления в Эрмитаж. Проанализированы причины, по которым сохранности памятников был причинен ущерб. Эти знания необходимы для определения современных методов реставрации, чем занимается Лаборатория научной реставрации восточной живописи в Эрмитаже. В то же время значение исследования выходит за рамки локальных музейных практик, поскольку оно позволяет определить общий круг проблем, возникающих при реставрации буддийской живописи.

Ключевые слова: реставрация, консервация, хранение, буддийская живопись, Хара-Хото, П. К. Козлов, Государственный Эрмитаж

Maxim V. Korotkov

Restoration and storage of Buddhist painting from the Khara-Khoto collections of XII–XIV centuries

The paper is devoted to the conservation and early stages of maintenance and storage of the unique collection of Buddhist painting that was gathered by P. K. Kozlov in Mongolia in 1907–1909, 1926 and now belongs to the State Hermitage museum. History of its primary conservation is reconstructed using previously unexplored archival data. Of special interest are conditions of maintenance and actions taken to protect the monuments before they were given to the Hermitage. The article also analyses reasons why damage was caused to them. All this information is essential for figuring out modern methods for their restoration that is a job of the Laboratory of scientific restoration of eastern painting of the Hermitage. The research goes beyond local museum practices as it helps to define general problems in restoration of Buddhist painting.

Keywords: restoration, conservation, storage, Buddhist painting, Khara-Khoto, P. K. Kozlov, State Hermitage museum

DOI 10.30725/2619-0303-2020-3-57-62

В собрании Государственного Эрмитажа хранятся уникальные коллекции буддийской живописи, собранные знаменитым исследователем Петром Кузьмичом Козловым во время его экспедиции по Монголии в 1907–1909, 1926 гг. на месте города Хара-Хото, столицы древнего тангутского государства Си-Ся. Всего в коллекции представлено около 280 памятников живописи, выполненных на различных материалах (дерево, шелк, ткань, бумага) и образцов настенной живописи. Произведения датируются XII–XIV вв. На них изображены Будды и другие божества буддийского пантеона, культ которых получил распространение в средневековой тангутской культуре [1, с. 13].

В архивах Государственного Русского музея (ГРМ) и Российского Этнографического музея (РЭМ) находятся редкие, до сих пор не изученные материалы по реставрации и хранению этих предметов до их передачи в Эрмитаж. В результате разделения музеев в 1934 г. РЭМ приобрел самостоятельность, а некогда единый архив оказался разделенным по разным учреждениям, что осложняет работу с архивными материалами. Статья является попыткой систематизировать

данный материал и дать оценку проведенным мероприятиям по консервации живописи, а также пролить свет на события, которые послужили причиной плохой сохранности памятников.

Поиск методов по сохранению этих и других подобных объектов – одна из задач Лаборатории научной реставрации восточной живописи в Эрмитаже. Необходимо понять, в каких условиях памятники находились до того, как были обнаружены, какие применялись методы при их извлечении. Следует выяснить условия их транспортировки, особенности хранения в музее, а также узнать обо всех операциях по очистке в ходе консервации и реставрации, которые применялись в разные годы до поступления в Эрмитаж. Также следует учитывать, что работы по сохранению коллекции проходили в то время, когда только формировалась музейно-реставрационная школа и закладывались основы научного подхода, на котором все последующие поколения мастеров строили свою работу, передавая свои знания и умения друг другу.

В архивных документах РЭМ мы обнаружили акт передачи коллекции Хара-Хото в Эрмитаж в

1931 г., в котором в качестве причин ее плохой сохранности указывается, что «при открытии памятников к ним не было применено никаких мер консервации, а также не было бережной упаковки при перевозке их до места назначения в Ленинграде. Разрушению вещей с своей стороны, способствовала несоответственная монтировка коллекции к экспозиции их по привозе на выставку Государственного Географического Общества, при которой применялись недопустимые подклейки картин синдетиконом и пр.» [2, л. 110]. Действительно, как указано в акте, перевозка осуществлялась в ящиках, без специальной упаковки предметов. Сложная задача «сберечь все то, что было собрано» [3, с. 38] осознавалась и самим П. К. Козловым, непосредственно участвовавшим в подготовке коллекции к транспортировке. Кроме того, экспедиция 1907–1909 г. не имела в своем составе профессиональных археологов, специалистов, которые бы документировали ход работы с послойным указанием находок (как это было позже, к примеру, во время экспедиции Козлова в Ноин-Улу в 1923–1926 гг.).

В своей работе «Материалы по буддийской иконографии Хара-Хото» 1914 г. С. Ф. Ольденбург описывает привезенные находки, обращая внимание на сохранность живописных произведений. Он отмечает, что ценность находок увеличивается благодаря их несравненной сохранности в крайне сухом климате: «Действительно, большинство книг и рукописей, равно и иконопись, поражают своей свежестью, после того как они пролежали в земле несколько веков» [4, с. 14]. Однако сам Козлов, так же описывая свои восторженные впечатления в дневнике, сообщает об одном печальном случае: «Не забуду в отдельности сильного впечатления, произведенного на меня и на моих спутников двумя образами китайского письма на сетчатой материи. Когда мы раскрыли эти образа, перед нами предстали дивные изображения сияющих фигур, утопающих в нежно-голубом и нежно-розовом сиянии. От буддийских святых веяло чем-то живым, выразительным, целым; мы долго не могли оторваться от созерцания их – так неподражаемо хороши они были... Но стоило только поднять одну из сторон того или другого полотна, как большая часть краски тут же отделилась, а вместе с нею, как легкий призрак, исчезло все обаяние и от прежней красоты осталось лишь слабое воспоминание...» [5, с. 300].

Можно утверждать, что на стадии извлечения памятников из «Знаменитого» субургана, где была найдена их большая часть [1, с. 12], некоторые живописные произведения находились в аварийном состоянии, и сцепление живописного слоя и грунта с основой было неудовлетвори-

тельным. Требовались их закрепление и фиксация, так как в условиях транспортировки могли возникнуть новые осыпи красочного слоя. Документального подтверждения, что работа по закреплению живописи велась на месте раскопок, не обнаружено, как и того, что подобные меры применялись перед подготовкой выставки в Географическом обществе.

Выставка материалов, доставленных экспедицией Козлова в Петербург, открылась в новом здании Русского географического общества (РГО) в Демидовском переулке 1 февраля 1910 г.; за время работы ее посетили 12 тыс. человек. Подготовка велась в спешке, и только после окончания все предметы, кроме книг и рукописей, были переданы в Этнографический отдел Русского музея [3, с. 39–40]. Должного внимания к сохранности и окантовке не уделялось, подготовка материалов к экспонированию также была выполнена с нарушением музейных требований, что указано в документах РЭМ.

Что касается применения недопустимых материалов и приведенного в акте передачи 1931 г. в качестве примера «синдетика», то подобный материал упоминается довольно редко и встречается в источниках XIX в. как средство по склейке керамики [6, с. 37]. Можно сделать вывод, что подобный адгезив предназначен для более твердых материалов и, вероятно, не подходит для работы с деликатными вещами, выполненными на шелке, бумаге и ткани.

В качестве дополнения к сведениям, указанным в акте 1931 г., можно обратиться к другим архивным документам РЭМ. Кроме некоторых «нежелательных» методов по окантовке и монтированию экспонатов, в документах описаны последствия потопа, который произошел 23 сентября 1924 г. Из хроники того времени известно, что это был один из самых разрушительных потоков в истории города, вызванных наводнением. Из документов архива РЭМ следует, что до 1924 г. все коллекции Этнографического отдела Русского музея, не помещенные на постоянную выставку и составляющие его научный резерв, хранились в подвалах отдела, специально приспособленных для этих целей. Во время наводнения вода, заполнившая выемку для фундамента недостроенной части здания, подняла сложенные там дрова, вышибла ими ворота в котельную центрального отопления, и оттуда бурный поток пронесся через все подвалы, ломая в некоторых местах полки и сдвигая тяжелые шкафы. Когда вода была удалена, подвал представлял картину полного разгрома. Все вещи были перепутаны, сброшены со своих мест, много произведений керамики и стекла было повреждено и утрачено, все ткани промочены и загрязнены [7, л. 1].

Сразу после происшествия сотрудники музея были мобилизованы для осмотра помещения, оценки разрушений, вызванных наводнением, и принятия мер по сохранению коллекций. В журнале осмотра экспонатов имеется информация, относящаяся к вещам из Хара-Хото. На образцах живописи были видны небольшие пятна, но совещанием было признано, что вместе с заметным улучшением условий температуры и влажности в помещении пятна не представляли особой опасности. В результате проведенных анализов на наличие плесени на просмотренных объектах ее не обнаружили, однако воздух в помещениях, особенно в подвале и кабинете секции буддизма, был наполнен значительным количеством плесени [8, л. 5].

Также интересен тот факт, что на совещании 28 октября 1924 г. обсуждался вопрос о взятии проб на анализ в целях выяснения: 1) материалов, на которых писались буддийские иконы; 2) красок, которыми выполнена живопись; 3) клея, который применялся здесь в качестве связующего [8, л. 5]. Таким образом, живопись подвергается серьезному исследованию и изучению для поиска методик и материалов для дальнейшей работы. Происходит это только спустя 15 лет с момента обнаружения памятников в качестве ответа на угрозу их сохранности в музее.

Использование материалов для окантовки, таких как столярный клей и картон, были признаны комиссией нежелательными. Позднее от подобной практики монтирования на картон или «задник» решено будет отказаться, чтобы не подвергать объект дополнительной опасности или возможным повреждениям, так как материал, который является окантовкой, может деформироваться и повредить объект. Причиной может стать любое изменение влажности. Столярный клей также недопустим к применению в подобных случаях, после отвердевания он становится непластичным и практически необратимым, а при подобной фиксации способен разрушить такие хрупкие материалы, как шелк, бумагу и ткань.

Вернемся к разбору акта передачи 1931 г. В нем указаны причины, по которым непосредственно и возникла необходимость в реставрации памятников из Хара-Хото. В документе указан еще один потоп – 1927 г. и другие сопутствующие проблемы. В годы революции отопление Этнографического отдела в течение одного из зимних сезонов вовсе не производилось, и это вызвало неблагоприятную обстановку в здании, особенно для сохранности образцов древней живописи. Часть вещей из коллекции пострадала от наводнения 1927 г., будучи в бронированной кладовой Этнографического отдела ГРМ, подвергшийся затоплению [2, л. 110].

Стало понятно, что после второго потопа необходимо принимать серьезные действия, для того чтобы хоть как-то сохранить произведения. Речь шла о превентивных мерах, рассчитанных на то, чтобы не дать развиваться плесени на влажных от воды экспонатах и остановить осыпание красочного слоя с поверхности живописных произведений. Из архивных документов видно, что руководство музея принимало срочные меры по их спасению.

5 декабря 1927 г. было собрано совещание по вопросу реставрации коллекций Хара-Хото, на котором было решено провести осмотр и дать заключение об их состоянии [2, л. 57]. 10 декабря 1927 г. совещание в составе А. П. Бараникова, А. А. Миллера, Н. А. Околовича и Н. П. Черепнина собралось для принятия решения на основании протоколов по осмотру буддийских памятников. В сохранившихся протоколах даны описания сохранности 27 памятников, все они относятся к экспедиции Козлова 1907–1909 гг.

Детальному осмотру подверглись 22 памятника, которые внушали особое опасение. Если охарактеризовать проблемы сохранности, то из протоколов видно, что общими для всех являются осыпи, шелушения красочного слоя и грунта, трещины с приподнятыми краями. К примеру, есть такое описание: «На центральной фигуре повреждения следующего рода: 1. трещины в левкасе с осыпанием; 2. осыпания одной краски; 3. приподнятия пузырьками. <...> Одежда, покрывшая ноги и сами ноги, в трещинах с приподнявшимися краями. Есть кусочки отставшей и едва держащейся краски. Обе фигуры по правую сторону сохранились плохо, вся живопись в трещинах и большей частью осыпалась. Фигуры по левую сторону сохранились немного лучше, но на сгибах ткани кусочки левкаса лежали отставшим толстым слоем. <...> Есть кусочки краски, висящие на волосках или осыпавшиеся и лежащие отдельно» [2, л. 55] (Из протокола № 4, составленного А. Суворовой. Описано состояние танки «Тридцать пять будд покаяния», ГЭ, Инв. № XX-2338).

Характер разрушений явно свидетельствовал о ненадлежащих условиях хранения, на что указывал А. А. Миллер, выступая перед собравшимися. Особо опасным для памятников, по его мнению, было то, что музей в течение долгого времени совершенно не отапливался. Миллер предлагал обратить внимание на отопление музея в весенний и осенний периоды. Приподнятости грунта и красочного слоя явно указывали на то, что влажность в сочетании с низкой температурой вызвали повреждение и без того хрупкой структуры живописи. Достаточно подробная картина всех повреждений была составлена тремя реставраторами: Благовещенской, Челноковым и Суворовой.

Приведем в пример описание Н. Благовещенской (протокол №1): «На залевкашенной ткани написана сидящая темная фигура в красной одежде». Речь идет о танке на холсте «Владыка врачевания Бхайшаджуру» (ГЭ, Инв. № ХХ-2332). Ольденбург дал хоть и краткое, но довольно точное описание сохранности памятника в 1914 г.: «Сохранился, в общем, хорошо, вырвано только несколько небольших кусков» [4, с. 26]. Согласно же описанию Благовещенской 1927 г., основная проблема заключалась в осыпи грунта, его подвижности, приподнятости (левкаса), а также в значительных разрушениях красочного слоя. Наличие прорывов усугубляло положение. В описании встречается такая фраза: «Левкас вокруг прорывов утерян и частью висит на волоске». Таким образом, плохая сохранность памятника, о чем сделала вывод Благовещенская [2, л. 45–46], стала результатом ненадлежащих условий хранения в музее.

Было решено немедленно снять и уложить в горизонтальное положение 6 наиболее пострадавших памятников (ГЭ, Инв. № ХХ-2327 «Алмазопрестольный Будда и восемь ступ», ХХ-2332 «Владыка врачевания Бхайшаджуру», ХХ-2337 «Будда проповедующий», ХХ-2338 «Трицать пять Будд покаяния», ХХ-2355 «Одиннадцатиликий бодхисатва Авалокитешвара», ХХ-2402 «Мандала Махакала»), а остальные взять под особое постоянное наблюдение с ведением подробных записей. Необходимо было произвести фотосъемку контрольных участков «на нескольких иконах» и устранить «дефекты окантовки». В основу дальнейших мероприятий по охране живописных памятников от разрушений и для их закрепления было решено положить описание памятников и их повреждений, составленное реставраторами Художественного отдела под руководством Н. А. Околовича [2, л. 58]

Была составлена смета расходов на реставрацию. И в феврале 1928 г. Этнографический отдел направляет директору Русского музея П. И. Воробьеву документ, в котором сообщает о необходимости принятия срочных мер по сохранению памятников из Хара-Хото. Специальная комиссия признала состояние этих памятников «угрожающим их сохранности», предвещая им гибель, которую можно предотвратить только экстренными мерами. В смете были указаны материалы для реставрации, жалование для работников [2, л. 69], а также расходы на выполнение микрофотографических снимков, приобретение увеличительного стекла и оборудования. Однако сами условия хранения, в которых находились коллекции, остались достаточно экстремальными: в осенний период 1929 г. относительная влажность в помещениях музея

доходила до 70% [2, л. 95], а в январе, в связи с резким падением температуры, положение стало действительно опасным [2, л. 104]. Стало понятно, что своими силами Этнографический отдел Русского музея уже не сможет справиться.

Падение температуры ниже нуля было способно разрушить памятники. 25 января 1931 г. специалистом В. И. Арнольд-Алябьевым было произведено определение температуры влажности в помещениях буддийского отделения [2, л. 105]. Температура составляла 9,2 градуса по Цельсию. По мнению Арнольд-Алябьева, это было допустимо, но не следовало опускать ее ниже установленного порога в 5 градусов, а в случае снижения ниже 2–3 градусов стоило закрыть доступ для посетителей. При отрицательной температуре следовало убрать из помещения «крашенные изображения» (вероятно, речь идет о живописи) во избежание осадения и затвердевания влаги – незаметного для глаза процесса, способного разрушить слой краски [2, л. 105].

Главной задачей на тот момент стало определение дальнейшей судьбы тех экспонатов, которые еще не были охвачены реставрацией, поскольку их состояние вызывало особые опасения, а транспортировка в помещения Эрмитажа могла его усугубить и привести к серьезным разрушениям. Необходимо было принять меры по закреплению осыпающегося красочного слоя и грунта на предметах с плохой сохранностью. Сделать это требовалось на месте или же тщательно упаковать и перенести их на руках в Эрмитаж, где реставрационные работы могли быть продолжены. Все зависело от состояния сохранности каждого конкретного экспоната. Что касается организации работ по закреплению, то комиссия постановила провести их при реставрационных мастерских Этнографического отдела под непосредственным наблюдением Н. В. Исаченко, владеющей приемами работы, установленными и проверенными в мастерских на предметах из Хара-Хото, и согласовать работы с Институтом археологической технологии. Учитывая малый личный состав мастерской Этнографического отдела, сами работы предполагалось поручить реставраторам, прикомандированным для этой цели со стороны Эрмитажа [2, л. 110].

Таким образом комиссия пыталась решить задачи по спасению коллекции. В подобной ситуации становится очевидным, что только совместные усилия специалистов из разных учреждений привели бы к положительному исходу. Как видно из представленных документов, в общей работе были задействованы научные сотрудники Государственного русского музея,

Государственного Эрмитажа, Института археологической технологии и частные лица. В работе принимали участие исследователи, специалисты по климату, реставраторы, археологи. Примечательно, что данная реставрация стала одним из первых в отечественной практике опытов сотрудничества специалистов из различных областей знания.

Отдельно нужно отметить тех, кто участвовал в реставрационных мероприятиях. В акте передачи говорится о обязательном участии Н. В. Исаченко, которой отводилась роль ответственного лица и наблюдателя над всеми проводившимися работами. Наталья Васильевна Исаченко (1881–?) получила специальное образование в Обществе поощрения художников, где, после окончания общего курса, работала в иконографической мастерской; кроме иконописи занималась живописью по фарфору и композицией. Она также изучала историю искусств, широко пользуясь своими частыми и продолжительными заграничными поездками и знанием нескольких иностранных языков. С 1923 г. Н. В. Исаченко работала в реставрационной мастерской Художественного отдела, 1 мая 1926 г. была переведена в Этнографический отдел [9].

Из письма директору ГРМ от заведующего Этнографическим отделом становятся понятны требования, которые предъявлялись реставраторам. Среди них – «не только обладание разнообразными и сложными знаниями, знакомство с иностранной литературой, большой опыт и высокое мастерство, но и большая инициатива для разрешения новых реставрационных задач. К этому обязывают как потребности самого Отдела, так и значение его реставрационных мастерских, к которым провинциальные музеи постоянно обращаются для разрешения разных реставрационных вопросов и ознакомления с новыми методами реставрации» [9, л. 5]. Именно так характеризуют Исаченко в отделе. Из документов следует, что наиболее сложные и ответственные работы и общее руководство всем реставрационным отделом выполняется художником-реставратором Н. В. Исаченко, назначение которой на эту должность является вполне естественным в связи с необычно трудной и ответственной работой, выполненной ею по устранению последствий наводнения 1924 г. Получив специальное и широкое общее образование, владея знанием специальной иностранной литературы и имея 17-летний стаж, Н. В. Исаченко являлась высоко квалифицированным специалистом и занимала в отделе должность научного сотрудника 1-го разряда [9, л. 5].

Кроме реставраторов в работе над произведениями Хара-Хото принимали участие ис-

следователи и ученые. Как правило, именно они формировали задачи и разрабатывали план работ, но иногда и непосредственно участвовали в мероприятиях. Так в деле о реставрации фигурирует известный русский этнограф, художник, фотограф и путешественник Самуил Мартынович Дудин, считающийся выдающимся знатоком в области восточного искусства. В архивных документах отражены факты его участия в реставрации фресок Хара-Хото [2, л. 59–62].

В архиве есть подробная информация, рассказывающая о проведенных реставрационных мероприятиях. Известно, что 1 марта 1928 г. Самуил Мартынович, приглашенный для инструктирования, также участвовал в работе по покрытию лаком и загипсовке «фресок» из Хара-Хото [2, л. 59, 62]. Речь, скорее всего, идет о фрагментах стенной росписи «Чистая земля Будды Амитабхи» XIII–XIV вв., представленных в коллекции Эрмитажа под Инв. № XX-2308-2313, 2318 [1, с. 117]. Это единственные «фрески» из Хара-Хото, о которых упоминает в своем дневнике П. К. Козлов: «...на уцелевшей нижней части стенки виднеются фрески с изображением святых и двухголового зеленого попугая» [5, с. 299].

Приведение в порядок коллекции и резерва в целом потребовало много труда, на существовавшие и вновь организованные мастерские отдела легла работа исключительной важности и трудности. Мастерские не были подготовлены к такой интенсивной и специальной работе, не было достаточно личного состава, подходящего помещения, необходимых приспособлений и главное – денежных средств. По словам сотрудника Русского музея Б. Г. Крыжановского, эти обстоятельства увеличили интерес к огромной работе, сделанной мастерами с применением лишь самых простых и общедоступных средств [7, л. 1].

В подобных условиях возможны были ошибки, неточности. Музейные специалисты проводили аналогии с другими памятниками, имеющими некоторое сходство. Так, например, в описаниях сохранности памятников из Хара-Хото часто встречается термин «левкас», характерный скорее для православной иконы в русской или греко-византийской традиции. На сегодняшний день мы знаем, что общая видимая схожесть обманчива, процесс нанесения и состав грунта отличается, но какие-то аналогии, безусловно, присутствуют. И реставраторы с иконописным образованием, работавшие с новыми для себя объектами, находили в них что-то уже знакомое.

Из приведенного материала становится очевидно, что на момент открытия Козловым древнего города Хара-Хото не существовало четкой системы по работе с находками, только

формировалась база, образовывались направления и школы. Восточная живопись выделилась тогда в особое направление и подверглась внимательному изучению. Это происходило на фоне экстремальной ситуации, в результате катаклизмов, политических перемен в стране и мире. Научное сообщество старалось выработать методы по сохранению произведений искусства, решая вопросы коллегиально, приглашая специалистов из разных учреждений, и демонстрировало один из первых отечественных опытов междисциплинарного сотрудничества.

Обнаруженные в архивах материалы добавляют существенные детали для понимания особенностей бытования памятников в музеях в прошлом. При этом все перечисленные выше мероприятия по консервации и реставрации объектов, удачные и не очень, стоит оценивать в конкретном историческом контексте. В 1920–1930-е гг. в нашей стране происходило становление музейно-реставрационной школы. В процессе поисков ответов на вызовы агрессивной для памятников среды выяснилось, что только научный подход и сотрудничество между музейными и специалистами разных профессий способны кардинально поменять ситуацию. Эти меры помогли справиться с последствиями катаклизмов, и впредь нельзя было иначе подходить к проблеме сохранности экспонатов.

В рассматриваемый период наблюдается появление совершенно другой, чем прежде, системы, когда новые задачи требовали от специалиста инициативы, наработки опыта и способности учиться, а также умения передавать накопленный опыт коллегам, обучать, формировать преемственность. Нужно отметить вклад в сохранение произведений буддийской живописи из Хара-Хото, который внесли ученые, реставраторы и все участники этой ответственной работы. Им удалось сформировать те принципы, которыми специалисты пользуются и сейчас, принципы бережного отношения к памятникам, коллегиального поиска решений, изучения литературы и сбора информации до начала работ. Так, несмотря на нанесенный памятникам ущерб в ходе природных катаклизмов и тяжелые условия бытования, коллекции были сохранены и дошли до наших дней. Часть объектов из коллекции и сегодня нуждается в реставрации, к примеру, сейчас Эрмитаж ищет спонсоров для реставрации буддийской иконы-свитка «Владыка Врачевания» из Хара-Хото (Инв. № XX–2333) [10]. Этот масштабный проект предполагает большую исследовательскую работу, и следует учитывать все прежние вмешательства для поиска новых решений по сохранению уникальных объектов.

Список литературы

1. Самосюк К. Ф. Буддийская живопись из Хара-Хото XII–XIV веков. Между Китаем и Тибетом: коллекция П. К. Козлова. Санкт-Петербург: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2006. 424 с.
2. Архив Российского этнографического музея (РЭМ). Ф. 1. Оп. 2. Д. 177. 111 л.
3. Юсупова Т. И. Путешествие как образ жизни: исследователь Центральной Азии П. К. Козлов. Санкт-Петербург: Нестор-История, 2016. 164 с.
4. Ольденбург С. Ф. Материалы по буддийской иконографии Хара-Хото: образа тибет. письма. Санкт-Петербург: т-во Р. Голике и А. Вильборг, 1914. 80 с.
5. Козлов П. К. Монголия и Амдо и мертвый город Хара-Хото: экспедиция Рус. геогр. о-ва в Нагорной Азии 1907–1909 г. Москва; Петроград: Гос. изд-во, 1923. 678 с.
6. Штерн Э. О новейших подделках в области керамики на юге России // Записки Одесского общества истории и древностей. 1897. Т. 20. С. 37–41.
7. Архив РЭМ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 175. 84 л.
8. Архив РЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 151. 8 л.
9. Архив РЭМ. Ф. 2. Оп. 3. Д. 78. 12 л.
10. Реставрация буддийской иконы-свитка «Владыка Врачевания» из коллекции Хара-Хото (XII–XIII в.) // Клуб друзей Государственного Эрмитажа: офиц. сайт. URL: <https://support.hermitagemuseum.org/ru/projects/bhaisajyaguru> (дата обращения: 29.06.2020).

References

1. Samosyuk K. F. Buddhist painting from Khara-Khoto XII–XIV centuries. Between China and Tibet: P. K. Kozlov's coll. Saint-Petersburg: Publ. house of the State Hermitage, 2006. 442 (in Russ).
2. Archive of the Russian Museum of Ethnography (RME). F. 1. Op. 2. D. 177. 111 (in Russ).
3. Yusupova T. I. The Journey as a Lifestyle: a researcher of the Central Asia P. K. Kozlov. Saint-Petersburg: Nestor-Istoriya, 2016. 164 (in Russ).
4. Oldenburg S. F. Materials on the Buddhist iconography of Khara-Khoto: images of Tibetan writing. Saint-Petersburg: Partnership R. Golike and A. Wilborg, 1914. 80 (in Russ).
5. Kozlov P. K. Mongolia and Amdo and the dead city of Khara-Khoto: expedition of the Russ. Geogr. Soc. in the Upland Asia, 1907–1909. Moscow; Petrograd: State publ., 1923. 678 (in Russ).
6. Stern E. On the latest fakes in the field of ceramics in the South of Russia. Notes of the Odessa Society of History and Antiquities. 1897. 20, 37–41 (in Russ).
7. Archive of the RME. F. 1. Op. 2. D. 175. 84 (in Russ).
8. Archive of the RME. F. 2. Op. 1. D. 151. 8 (in Russ).
9. Archive of the RME. F. 2. Op. 3. D. 78. 12 (in Russ).
10. Restoration of the Buddhist Icon-scroll of the Healing Buddha, from the Khara-Khoto Collection (12th–13th century). The Hermitage Friend's club. URL: <https://support.hermitagemuseum.org/ru/projects/bhaisajyaguru> (accessed: June 29.2020) (in Russ).